

Дни наступили дивные. Небо стоит высокое, ясное, как голубой хрусталь.

Манит на заводской пруд, к воде, под легкое веяние прохладного ветерка.

— Была я прошлым летом в Крыму, — нарушила молчание Маруся Захарова. — Какая прелесть! Море такое огромное, блестящее. А илтирские кипарисы? Ах, это непередаваемо, бесподобно!

— А как вы находите здешние, магнитогорские места? — спросил Василий Петрович.

И он пристально взглянул на молодую девушку. Василий Петрович Хижняк сидел с Магниткой и любил ее, как единственную и родную дочь. Поэтому мнение студентки Московского металлургического института о Магнитогорске было для него не безразличным.

— Заводом вы в праве гордиться. Такие девицы-красавицы! — проговорил девушка.

Василий Петрович просветлел. Он, человек отдающий себя домашнему производству, ждал именно такого ответа.

— А в остальном... — Это слово Захарова проговорила на распев. — Остального те у нас и нет. Природы нет!

— Опять вам Крым, подавай, — вежливо Хижняк.

— Можно и Кавказ, — смеясь ответила девушка.

Чуть приотетав и заслонив от солнца глаза ладонью правой руки, Юрка Чернов с восторгом восторговался вдаль. Там, на западе, за широким ярко-зеленым ковром степи, на голубом небосклоне вырисовывалась причудливая, маячная к себе ночь Уральских гор.

— Мария Константиновна, ты неправда! — подбегая, вывалил Юрка — Подлюбуйся, какой замечательный вид на горы. А пруд? Скажешь, не нравится? И так зелено кругом.

— Хорошо! — радостным вздохом вырвалось из груди Василия Петровича.

Маруся прощески улыбнулась.

— А хотите я вам жемчужину покажу? — воскликнул доменщик. — Южесь, что вы измените своему любимому Крыму.

— Берушь доказать вам, будущее коллечи, что в Магнитке можно работать и отдыхать не хуже, чем на юге, — закончил Хижняк.

На утро комфортабельная эмка мчала нас по извилистой дороге на северо-запад. Разговаривали о том, о сем, шутили, смеялись, смотрели по сторонам.

— Проехали полшуги, — взглянув на спидометр, заметил шофер, — как незаметно летит время.

— Уж будто незаметно? — огорчилась Маруся. — бросает из стороны в сторону, как мяч.

Шофер оправдывается: — По такой дороге сам черт ногу сломает.

Хижняк расхохотался: — Мешко сказал! И затем по особенному серьезно: «Будь здесь Сергей Миронович Киров, он наверняка предложил бы хозяевам города выпустить прелесть этой пути-дороженьки».

Миновали один пригорок, другой, третий. Оставили позади несколько переделок. Вот на пути вырос довольно большой перекал. Машина с резом взбирается на него, теряя скорость.

Радается произвольный, радостный крик Юрки Чернова: — Приехали!

— Кажется, да, — подтвердил Хижняк.

Мы увидели широко раскинувшийся Банное озеро. Окаймленное густой зарослью берез вяза и тальника, с зеркальной гладью, поблескивающей на солнце, причудливо отразившее в своих водах голубой небосвод — кто мог остаться равнодушным к этому живописному озеру?

Жемчужина

Михаил ЛЫСОВ

В машине воцарилась глубокая тишина.

Миновал Куслимовский рудник и обогнув озеро с северной стороны, мы остановились около дома отдыха металлургов. Знакомимся с директором Петром Филипповичем Шинкиным.

Смеясь, Захарова обращается к Шинкину: — На правах вашей новой знакомой хотелось бы осмотреть эту здравницу?

— Гостям мы всегда рады, — любезно приглашает Шинкин, — такая уж наша профессия, — встречать, да провожать.

Сквозь молодую, пахнущую эрству деревьев видна большая спальная дача. Здесь по-домашнему уютно и чисто. Подумав, комат располагает к отдыху, ко сну. Приметив эту особенность, Юрка острит: — Имей такую дачу в Москве, дважды-два проваляешься на зачетной сессии!

Всем нам очень понравился зал столовой. Оборудован он великолепно. На окоп открывается красивый вид на озеро.

Вот физкультурная площадка. Здесь лестницы, колына, турник, параллельные брусья.

Василий Петрович с необыкновенной легкостью сделал на турнике «солнце». Затем, окинув взором площадку, сказал: — Какое разнообразие физкультурных снарядов!

— Да, — подтвердила Захарова, — здесь, пожалуй, каждый найдет себе полезное развлечение.

Шинкин предложил нам отдохнуть. Мы согласились.

Набравшись свежих сил, мы были готовы продолжать нашу прогулку.

— К озеру, на лодку! — предложил кто-то.

Эта мысль тотчас же завладела нами. Носпорив, кому садиться за весла, мы пустились в плавание.

Кристалльно чистая вода позволяла нашему взору проникать к самому дну даже на большой глубине. Мы прощивали над густой зарослью водорослей. Порой водоросли уступали место мягкому, зеленому мху, покрывающему дно.

— Смотрите, смотрите... — и Юрка сильно наклонился над водой, едва не опрокинув лодку. — Вот это аквариум!

В подводном царстве мы увидели сонмище маленьких, юрких рыбок. Они стремительно носились во всех направлениях, то опускались ко дну, то всплывали на поверхность.

«Рыба играет» — поючили нам поздраве рыбаки.

Вот и северо-западная сторона озера, сплошь покрытая тростником. Излюбленное место для прогулок на лодках!

— Одно удовольствие, сидя в полуденную жару в тени, ловить ерша! — громко проговорил Василий Петрович.

— Ерша! — кто-то неожиданно и по детски насмешливо отозвался из тростника. Смотрим, оказалась маленькая черная подпенка с шустрым мальчуганом.

— Здесь, дяденька, какой угодно рыбы достаточно.

И мальчуган бойко начал перечислять: сом, щука, окунь, лещ, линь, чебак, пескарь...

Юный рыболлов, уверенно забрасывающий удочки одну за другой, казался настоящим властелином озера.

— Откуда ты здесь взялся? — поинтересовался Юрка.

— Откуда? Из Магнитогорска. Мы каждый выходной день сюда приезжаем. Мой папа знатный металлург и у нас своя машина.

Юрка Чернов удивленно смотрел на юного собеседника и размышлял: «Творческий труд, знатность, замечательный отдых. Где же тогда провинция, которая так пугает некоторых моих одноклассников?»

— А про рыб кто тебе наказывал, — продолжал расспросы Чернов.

— Сам. У меня по биологии отлично. На все предметы имею один хор. По остальным — отличник.

Мальчик согласился дать нам пару свободных удочек.

— А рыбу мне отдавайте, — потребовал он.

Мы пообещали и принялись рыбачить.

Пробравшись между зарослями тростника, мы неожиданно очутились на удивительной плесе. Здесь, точно в оранжерее, нежались и росли белые лилии. Мы долго вдыхали их тонкий, приятный запах.

Немного усталые, но бодрые и возбужденные вышли на берег.

Томимые жаждой, вспомнили недавний разговор с Шинкиным, окумее.

— Отличный напиток! Может быть дивнеем? — предложил Василий Петрович.

Эти слова были восприняты сигналом к походу на кумысную ферму, расположенную с южной стороны озера.

Шли густым лесом. Воздух был напоен пренким, приятным запахом зелени. Подойдя к ферме, мы увидели такую картину: рассеянные на коньке человек поигрывал на самодельной флейте какую-то задумчивую мелодию. Двое остальных слушали.

Это были абхазские банкиры-кохозники.

Мы поздоровались.

— Кумыс пить пришел? — прекратил игру, спросил нас музыкант.

Каждому из нас тут же было налито по кружке кумыса.

— Что за песню ты играл сейчас? — спросили мы.

Глаза музыканта загорелись, он откинул свои густые, черные, как смоль, волосы, и голосом, полным вдохновенья, произнес: — Салават знаешь?

И он вновь заиграл. Мелодия постепенно усиливалась, нарастала, делалась все бодрее. В ней звучала радость жизни, расцвет национальности — той национальности, за которую бо-

ролся легендарный Салават и которую впервые раскристаллила партия Ленина — Сталина. Мы долго и задумчиво беседовали. — Скоро сюда пригоним табун кобылиц. Будем готовить много кумыса. Тогда приходи, — сказал нам музыкант на прощание.

Обратно возвращались тропинкой, которая временами спускалась к самой воде. Как-то внезапно налетел ветер, озеро потемнело, нахмурилось. Еще несколько минут и поднялись большие изумрудные волны. Касаясь горных вершин, плыли облака.

Но эта стихия столь же быстро улеглась, как и появилась. Снова наступила тишина, появилось солнце.

День кончился к вечеру.

— Пора возвращаться в город, — посмотрел на часы, проговорил Хижняк. — Все мы, вероятно, порядком устали.

— Вы же обещали провести нас вот на ту гору, — напомнила Захарова.

— Хвала вашей энергии, Мария Константиновна! Поддерживаю вас, — сказал Юрка Чернов, — а потом, пропой свободная стихия...

В гору поднимались медленно. Часто останавливались и отдыхали. Местами приходилось преодолевать густой колючий кустарник. Летом здесь много малины, вишни, смородины.

Но вот мы достигли вершины. Изумительная панорама! На северо-востоке и юго-востоке виднелись несколько озер. Казалось, они отделены одно от другого узенькой полоской земли.

Горы стройными рядами уходили на юго-запад и северо-восток и там в синеве терялись.

— Мачитка! — кто-то вскрикнул. На юго-востоке виднелся силуэт завода. Вот выдохнула яркая полоса света. Затем она стала постепенно бледнеть.

— Шлак сливают, — заметил доменщик.

В предвечерний час, окрашенное в пурпур, Банное озеро было изумительно красивым.

Маруся смотрела на озеро как зачарованная.

— Да, это настоящая жемчужина!

Отв. редактор П. ПЕЧЕНКИН. ПАРК МЕТАЛЛУРГОВ ЛЕТНИЙ ТЕАТР 6 июня 1940 г. БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ СИЛАМИ КЛУБА МЕТАЛЛУРГОВ им. Маяковского. Начало в 9 час. 30 мин.

6 КЛУБ 6 ИЮНЯ МЕТАЛЛУРГОВ ИЮНЯ им. В. Маяковского Звуковой художественный фильм „МОРЯКИ“ Начало в 6—8—10 часов. Касса с 4 часов. 6 июня сеанс для детей в 4 часа дня. Касса с 2-х часов дня.

ГОСЦИРК ТОЛЬКО 7 и 8 июня ДВА ДНЯ РУССКИЙ АНСАМБЛЬ ПЕСНИ И ПЛЯСКИ (г. Смоленск) Состав 50 человек. В репертуаре: русские, украинские и белорусские песни и пляски. Начало в 9 часов вечера. Предварительная продажа билетов в заводоуправлении с 12 до 3 ч. дня и с 4 ч. в кассе цирка; 6 июня в кассе цирка с 2 ч. дня.